18+

АНАТОЛИЙ КРИКУН

Жизнь прожить — не поле перейти

КНИГА ПЕРВАЯ. ЗЕМЛЯ

Анатолий Крикун

Жизнь прожить – не поле перейти. Книга первая. Земля

«Издательские решения»

Крикун А.

Жизнь прожить – не поле перейти. Книга первая. Земля /
А. Крикун — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518694-2

Роман-эпопея, семейная хроника. В основе её — удивительная история моего деда, полного георгиевского кавалера и свидетеля важнейших событий в истории России первой половины 20-го века. Роман — попытка осмыслить трагический период в истории России и отдельных людей, творящих историю и оставшихся и в моей памяти, и в памяти миллионов.

ISBN 978-5-00-518694-2

© Крикун А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие 6
КНИГА ПЕРВАЯ, ЗЕМЛЯ 7
ГЛАВА ПЕРВАЯ 8
ГЛАВА ВТОРАЯ 28
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Жизнь прожить – не поле перейти
Книга первая. Земля

Анатолий Крикун

© Анатолий Крикун, 2020

ISBN 978-5-0051-8694-2 (т. 1)
ISBN 978-5-0051-8695-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
КРИКУН АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ 1947 г. рожд.
город Уфа Максима Рыльского 7 кв. 100
телеф. 216-49-27. 89874767972

ЖИЗНЬ ПРОЖИТЬ-НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ.

Деду и бабушке посвящается.

Предисловие

Труд основан на фактах из биографии моего деда- Драбкова Сысоя Фёдоровича, дошедших через семейные предания и исторические исследования, где в

художественной форме сделана попытка раскрыть и осмыслить события растянувшиеся на полвека истории России-периода войн и потрясений, перевернувших весь мир. Семейная сага поднимает основные проблемы

развития российского общества через судьбы героев представляющих различные слои- от исторических персонажей до простолюдинов. Роман рассчитан на вдумчивого читателя пытающегося понять и оценить жизнь своих предков и их наследие и опыт.

КНИГА ПЕРВАЯ, ЗЕМЛЯ

Пусть будет земля и работа
И этого хватит тебе.

Я. Смеляков

Колокол дремавший
Разбудил поля.
Улыбнулась солнцу
Сонная земля…
И под сильной рукой
Вылетает зерно-
Тут и солод с мукой
И на свадьбу вино.

С. Есенин

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В один из мартовских дней 1904 года в большое село Летяки, что со времён Киевской Руси завелось, как маленький починок на расчищенном от леса участке в одном из глухих мест Великого княжества Черниговского явились незваные, но важные гости. Сельцо с веками разрослось до приличного поселения, где гнездились, как перелётные птицы по весне, и московские и рязанские мужики рвавшиеся из крепостной помещичьей неволи, и казаки с Дона, не желавшие клонить свои своевольные головы ни перед какой властью, и, привыкшие жить своей вольной жизнью, полной тревог и опасностей.

Объявились тут и староверы – сторонники огненного протопопа Аввакума, отдавшего жизнь свою за веру предков, бежавшие от преследований» тишайшего царя» Алексея Михайловича, принявшего Украину под свой скипетр, и от сына его императора Петра. Были с Белой Руси мужики-лапотники, искавшие лучшей доли на малороссийских чернозёмах, и покидавших свои пущи и болота, в поисках призрачного счастья. Приблудился и осел здесь и цыганковаль с многочисленным выводком цыганят, ставших пахарями. Объявились и несколько еврейских семейств, изгнанных из больших городов за черту оседлости и довольно быстро вписавшихся в пёстрый интернационал: культур, наречий, языков, обычаев и, заслуживших уважение своим нужным для всех жителей ремеслом, незлобивостью и отсутствием жадности при непременном трудолюбии и бережливости. Большинство жило извечным, заведённым далёкими предками, трудом – где и баба мало в чём уступала мужику. Белоручек в селе не любили, жён ласкали и детей плодили. Земли, которые в достопамятные, благословенные времена мужик почитал своими и богом данными, долго числились по указам государей в большинстве за помещиками, пока царь-освободитель Александр Николаевич облагодетельствовал мужика. Земли арендовали у бесхозяйственных помещиков. Хозяйственных помещиков, искавших батраков, оставалось всё меньше и, живя в городе, они проедали и пропивали деньги, полученные в банке под залог земли. Население плодилось, бабы исправно рожали, а земли не добавлялось. Арендная плата росла. Сорок лет отягощали выкупные платежи за «дарованную» свободу и наделы земли, полученные по реформе, приобретенные в рассрочку на полвека по бешено подскочившей рыночной цене в благодатном для хлебороба краю, при высоких процентах за банковскую ссуду.

Ученые люди, возведшие демографию в важнейшую общественную наук, предрекали России, включавшей и Кавказ, и Среднюю Азию, и Царство Польское с Финляндией, к середине 20 века – население в пятьсот миллионов человек. Согласно теории монаха-англичанина и «большого» учёного Мальтуса, такой рост в России, Азии, Китае и Африке приведёт к тому, что белым хозяевам мира придётся раствориться в море варваров и пасть как великий Рим, освобождая пространство для жадных до любви и работы, не развращённым пресыщенностью к земным благам с ресторанами и публичными домами, не желающих терять свои обычаи и веру, в угоду старшим братьям, – варварам. Для сохранения своего статуса – устроителей

колониального мира, хороши все средства: от «разделяй и властвуй», до мора голодом и разрушительными,

истребительными войнами. Уже трещали пулемёты, в минуту изрыгающие из пасти сотни смертоносных ос. Плодились теории о «бремени белого человека».

Перепуганные европейцы становились ярыми

националистами в желании сохранить и расширить

жизненное пространство. Но плевал русский мужик,

который составлял три четверти населения, на теории западных человековедов, не подозревая какие беды ждут его впереди. Мужик искал своё счастье в выдуманном им Беловодье, где нет помещика и чиновника, где он сам себе царь и господин и у него хватит ума и сил

построить счастье на своей земле и своими руками. Земля-кормилица, работящая, покладистая жена, смышленые, крепкие телом и духом дети – и вот, оно- счастье в руках! Живи и радуйся! За эту жизнь и это счастье – всё можно отдать и все тяготы перенести. Искал мужик веками счастье и на Белом Севере, и на Дону с Волгой, за Уральским камнем и в глухой, но сказочно богатой Сибири. Добрался землепроходец до Великого океана, узрел какой простор для трудов и счастья!

За ним по пятам шел приказной чиновник и солдат и заводил свои порядки. Утверждали, что несут для мужиков благо – ибо они оберегают их от супостатов, лезущих на

Русь и с Запада, и с Востока, и несут порядок и

спокойствие, и за то- народ должен их уважать и содержать.

После этих размышлений обратимся к гостям, явившимся в малоприметные, на громадной земле, Летяки. На

тарантасе, заряжённом двумя крепкими рысаками, по

весенней, только еще начинающейся распутице, с утра, когда дорога еще подморожена, явился знакомый член

земельной управы в изрядно поношенном, чёрном официальном мундире, прикрытом обветшалой

шинелишкой (видно трудно мелкому чиновнику содержать в городке свою немалую семью). Сняв фуражку, и, обтерев несвежим носовым платком всклоченную голову, начавшую лысеть, он привычно взбежал по ступенькам в дом сельского правления и, найдя на месте сонного,

потрёпанного жизнью, и, наверное, женою, уличившую

муженька в амурных похождениях на старости лет, отдал короткое распоряжение секретарю. Когда тот спешно удалился, чиновник устроился после тряской дороги на помятом стареньком диване, невесть когда и откуда явившимся в этом казённом помещении (видно и секретарь и кто – либо иной, любили на нём прилечь). Второй

приезжий – худосочный, востроносенький, с тонкой

ниткой усиков над верхней губой, долговязый, ещё молодой человек в исправном, почти новом, ладно сидевшем на нём военном мундире, со всеми прилагающими его чину атрибутами в виде сабли и револьвера, являл лицо новое и редкое на селе. Представитель жандармского ведомства, осознавая свою значимость, остался на улице и стал

изучать внимательным взглядом, щурясь от блистающего весеннего солнца, окрестности. Небольшая площадь перед правлением, с коновязью, являлась центром села, которую пересекали две улицы. Под начищенными до блеска сапогами трещали льдинки, перемешанные с первой

весенней грязью, сверкавшие на солнце как алмазы. Пошарив глазами вдоль улицы, утвердился во мнении, что народ нужно собирать на майдане, между правлением и магазином – где на перекладине висел обрезок рельса на случай спешных оповещений. Колокол, который для этих целей повесили первоначально – пропал с концами.

Село было довольно большое. На окраинах, при въезде, теснились неказистые четырехстенные домишки крытые соломой, которую по весне в годы бескормицы скармливали скоту в ожидании урожая и свежей соломы. Огороды и хозяйственные постройки ясно указывали на прилежание и благосостояние хозяев. Покосившиеся, и уходящие под землю баньки, подгнивающие и давно отслужившие свой срок сараи, торчащие из под осевшего снега, засохшие заросли сорной травы и крапивы у покосившихся плетней, издали указывали на трудное мужицкое существование. Были и крепкие хозяйства, где дома – пятистенки, со

многими окнами в горнице, крыши крытые железом, и, окрашенные бережливыми хозяевами, крепкие надворные постройки, заполненные всем необходимым для извечных крестьянских трудов и являвшими мужицкую хватку и

зажиточность. Крепкие заборы, широкие ворота, ухоженная земля – всё это плоды и великих семейных трудов и дело рук наёмных за деньги и харчи работников со стороны. Как народ был пёстрым на селе, так и хозяйства разнились по достатку и обустройству. Большинство хаток были крыты соломой и огорожены жердями. Помещик, владевший

большими угодьями и после Великой крестьянской

реформы, оставил за собой лучшие земли после раздела, причём в размерах больших, чем обрабатывал сам, нанимая батраков и сгоняя крестьян должников на отработки. Да и за полученную общиной землю, не в лучших местах,

приходилось большинству залезать в долги к банкирам, чтобы в длительную рассрочку, с барышом для банкиров, по выросшей рыночной цене, выкупить в личную

свою собственность, а больше в собственность общины, с её регулярными переделами – по понятиям справедливости. При этом помещики вопили, что их обокрали и крестьяне чесали затылки – как же ловко чиновники их объегорили. Властям же казалось, что они мудро решили извечную проблему сеющую рознь и льющую кровь на протяжении сотен лет. «Земля и воля!» – эти два слова терзали души многих мужиков- лапотников, смущали их разум и толкали на великие грехи и беспримерные подвиги. Поливая землю своим потом и кровью, они искренне верили Святому писанию о равенстве всех перед Богом. Помещик, для большинства, был не добрым барином и рачительным хозяином, а – помехой их счастливой жизни в извечных

трудах и заботах, которую они хотели бы отстроить на

земле и порадовать свои сердца, а не обрести на небе, пройдя терпеливо земные страдания. Земля для многих была высшей ценностью и основой бытия. Украшенная лесами, полями, лугами, питавшими воздух дурманящими запахами от разноцветья трав, земля манила к себе

натруженные руки и спины; она дарила картины

зеленеющих и желтеющих под лучами солнца золотых и изумрудных нив. Земля успокаивала душу, изгоняла из сердца злобу. И работалось бы и жилось смерду-мужику, пахарю-хлеборобу-кормильцу привольно, если бы была его воля самому со своими собратьями – тружениками и владеть и распоряжаться этим бесценным богатством. Жаден настоящий мужик до земли, жаден до работы. Однако не один он этим грехом наделён. Жаден до земли и плодов её и всякий, кто, не проливая поту на пашне, силой готов

собрать с земли урожай. Тут и скорый на разбой воин-кочевник, имеющий во владении Великую степь – не для пашни, а для прокорма скота, из которого больше всего цениться боевая лошадь, и слуга государев – воин-защитник земли, за скудностью казны награждался и испомещался землёй на расширяющихся просторах растущей России вышедшей к Волге и Уралу. В Сибири, куда первыми

шагнули казаки, помещик прижиться не мог. Казак сам свою землю воевал, охранял и пахал и с государством договор имел, оплаченный кровью. Присосались, как

клещи, к земле, и пауки купцы-перекупщики и банкиры, выкупая у нерадивых помещиков землю и перепродавая её, зная ей цену. Чиновник строчил бумаги и оформлял дела, не забывая отхватить кусок чернозёма или леса. Земля кормила всех, но не все любили её, как пахарь в страдную пору, особенно по весне, когда, отдохнувшая за зиму под снегом земля, нагретая весенним солнцем, оттаявала,

напитывалась влагой и, отдавая влагу, как марево, к

бегущим по небу облакам, готовилась к встрече с

землеробом, который ощупывал её руками, вдыхал

дурманящий запах вспаханного осенью клина и верил, что к осени будет и хлеб, а значит и будет звучать песня.

Меж тем, вольных землепашцев, становилось всё меньше. В разные времена являлись вожди-самозванцы, в основном из казаков, которые и мужицкую жизнь знали и свободу свою отстоять саблей не боялись. Болотников Иван и

Булавин Кондратий, Стенька Разин и Пугачёв Емельян,

объявивший себя государем- императором, раскачивали миролюбивого мужика на разбои, погромы, восстания,

настоящие войны под сладкими лозунгами -«Земли и Воли!». Красный петух пел на помещичьих усадьбах; дубина, топор и вилы крушили нажитое чужим хребтом добро. Спасая свои жизни, помещики, чиновники и купцы бежали за помощью к властям. Церковь проклинала разбойные толпы, но угомонить эту стихию проклятьями и виселицами было невероятно трудно. Но мужик жил в своём замкнутом мирке и не глядел широко, не строил сложных теорий о переустройстве жизни, а вспоминал предков, которые, как им казалось, были и свободнее и сытнее: из их среды являлись Ильи Муромцы и Микулы Селяниновичи. Но век потрясений и революций, век

машин, пара и электричества, заставил и государей Российских и министров и чиновников, из которых не все были глупы, искать выхода из замкнутого круга- когда -«один с сошкой, а семеро с ложкой» и эти семеро ждут от земли даров не приложив к земле ни трудов, ни мозгов. Кроме того, объявились в среде ученых людей и критически мыслящих студентов и разночинцев – «друзья народа». Они писали из зарубежного далёка, из городских уютных квартир, полуподвалов и подвалов о бедах крестьянских и, радея за них, призывали мужика – то к топору, во

всероссийских масштабах, – то к просвещению – которые, рано или поздно, решат крестьянский вопрос. Нужно только положиться на «друзей народа», напугать власти, разрушить государство, убить царя с приспешниками и вот оно – счастье!» Власть народу! Земля народу! Свободу народу!» Какому народу? Народу, который сотни лет копил злобу на ту часть народа, которая его дурачила и обирала, народу, который, молясь и крестясь, пускал кровь своим соотечественникам, в зависимости от того, как каждый сам для себя определял свое счастливое существование?

Объединяющие идеи, вырабатываемые власть имущими охранителями устоев, а не прорастающими снизу – «За веру, царя и отечество. Православие, самодержавие, народность!» ветшали и не наполнялись жизненной силой в новые времена, а рушились нерадением об общих интересах многих государственных мужей, трескотнёй новоявленных, по- европейски образованных либералов, призывами к

кровавому переустройству и разрушению до основания того уклада жизни, не беспорочного, конечно, но привычного и более-менее понятного для простого российского мужика, который со своим семейством составлял громадное большинство во многоплеменной и разноязыкой империи, сказочно богатой от природы на землю и на людей

живущих на ней, но неустроенной по уму в повседневной жизни для миллионов людей. «Земля и воля!» – крепко сидело в крестьянском мозгу. Благодетелем объявят того – кто это им даст и научит – как жить. Может быть, два, нежданно объявившихся лица в селе, появившиеся по ранней весне и явят в себе хлопотунов за крестьянские интересы. Жандарм и землеустроитель?! Удары по рельсу и шустрый посыльный дело свое делали. К правлению на сход стал собираться разношёрстный народ. В основном, это были мужики. Пожилые, как наиболее активные и уважаемые, спешили занять места поближе к крыльцу и, пристроившемуся рядом, тарантасу. Кто в шапке, кто в картузе, а кто, в спешке, и с непокрытой головой, уже приветствовавшей тёплое солнышко. Мужики в полушубках, кацавейках, стеганых тёплых жилетах и

шинелях, валенках с галошами, галошах с теплыми

шерстяными носками, двойной вязки, разбитых сапогах и, у особо бережливых, в лаптях, образовали кружок, где гадали по какому случаю трезвон на селе? За стариками стали подтягиваться мужики одетые поприличнее, чтобы не

ударить в грязь лицом и не уронить перед людьми достоинство. Оделись так, как будто отправлялись в

церковь. Поскольку до страдной поры было далеко, мужики находились на своих дворах, занимаясь мелочными хозяйственными работами, либо, ещё с ленцой, лежали на боку – пока жена хлопочет в приготовлении съестного на обед, а завтрак переваривается в желудке. Нужно беречь силы на страду, а сход этому не помеха.

Мужики образовали свой круг и обсуждали внешние достоинства и недостатки франтоватого жандарма и строили предположения – по какому случаю, без

предварительного объявления, собрали сход с присутствием жандармского офицера и землеустроителя. Догадывались, что – не по пустякам. Женщин было немного, если не

считать особо любопытствующих молодиц, которым

хотелось и себя показать и на других посмотреть, а потом новости понести по всему селу, заходя в гости к своим

слушателям и передавая новости, переиначивая их на свой манер, чтобы посидеть подольше и, прихлебывая чай,

поболтать побольше. У молодёжи были свои заботы, и их явилось совсем мало. Малочисленным, но самым шумным, был женский круг, пестревший цветастыми большими платками и до земли свисающими широкими юбками, которые подтягивали наверх руками, чтобы не испачкались и не замочились и не прикрывали фасонистые тёмные плисовые жакеты блестевшие на солнце. У них были свои суждения, касаемые новоявленного жандарма, и причинах, собранного на майдане перед правлением, схода.

Шнырявшие в растущей с каждой минутой толпе мальчишки, в расчёт не брались. Они кричали и обсуждали своё, ничего общего со сходом не имеющее, и знали, что на сходе у них права голоса нет.

Наконец, жандарм из внутреннего кармана достал часы на серебряной цепочке, щёлкнул, открыв крышку,

внимательно посмотрел на расположение стрелок, провёл двумя пальцами по своим жиденьким усам и, защёлкнув крышку, направился к тарантасу, где его ожидали,

запыхавшиеся от суеты, председатель с секретарём. Они, с деланной улыбкой, встречали неведомого им, вооружённого жандармского офицер, осознававшего свою значимость. Сельская власть чувствовала за собой вину, что вовремя не объявилась в правлении и не встретила гостей. Староста за самоваром у священника обсуждал сложные мирские дела, поглядывая на пышную попадью. Речь вели о потрясавших Полтавскую и Черниговскую губернии аграрных

в беспорядках. Мужик вышел из повиновения, разорял

помещика, рубил лес и грозил властям. Офицер, не обратив на них внимания, придерживая приличествующую чину

казенную саблю, считая, что пора начинать и он здесь-

главная фигура, взошёл на тарантас и, не испрашивая

разрешения схода, отрыл собрание зычным голосом, никак не подходящим его тщедушной фигуре:

– Мужики, тут такое дело, – начал он без всякого

вступления. В ответ из толпы, кто – то из молодух, звонко прервал его заготовленную речь :

– А, бабы, как же, и нас уважь!

Жандарм не растерялся, видно не – впервой было общаться с народом и более языкастым, и быстро и успешно поправился:

– И вас, красавицы, уважу и детишек ваших тоже, а так же прошу больше не перебивать. Вы, наверное, слыхали, что творится в Малороссии и на Полтавщине. Так вот, власти заявляют вам, что пока все будет решаться миром и власти придут к вам с миром, а погромов и бесчинств – власть не простит и смутьянов накажет. Будьте благоразумны!

Мужики, конечно, слышали о том, что не так уж и далеко

от них крестьяне жгли помещичьи усадьбы, отказывались платить выкупные платежи и налоги, что против них были посланы войска. Чей- то голос из толпы пробасил:

– А чего же у вас против мужиков ни солдат, ни казаков не нашлось! Аль, не доверяете им, что матросиков с кораблей на расправу пригнали в чёрных бушлатах. Жандарм опешил и не сразу нашёлся что сказать. Сначала зычно крикнул:

– Кто это, там шумит!?

В ответ-тишина… Жандарм, потухшим голосом произнёс:

– Вот, сейчас, член земельного комитета, хорошо вам знакомый Тимофей Силыч, сообщит о мерах по

обустройству вашей жизни, чтобы избежать всяческих

эксцессов. Это мудрёное слово мужики не знали, но своим умом поняли, что за ними маячат пули и нагайки. Одна из бабёнок не выдержала:

– Это что же за фига такая!

Жандарм погрозил в толпу кулаком – и всем стало ясно. Наступила тишина. Майдан дожидался – какое ещё счастье им явит Тимофей Силыч, который при всех переделах земли ходил вечно навеселе по домам крепких, хозяев, которые его от пуза поили и кормили в расчёте на выгодные наделы и расчёты, как правило, оправдывались. Сняв картуз, и, в очередной раз, потерев платком облысевшую голову (видно понимал, что нелегка задача стоит перед ним), вскарабкался на тарантас, наклонив голову,

поприветствовал мирской сход и испросил сказать слово для пользы селян. Начал витиевато, издалека, обращаясь и к старикам, стоящим рядышком, и всему обществу, в

тишине внимающему ему:

– Вы, все давно тут обжились и обустроились. Многих я знаю; бабы рожают без отдыху, семьи большие,

всех прокормить, чтоб складно жилось, не у всякого сил хватает. А землицы то не прибывает, родит она не каждый год, да не у всех она хороша, потому и переделы многих замучили. Только в порядок надел свой привёл, а его в передел пускать надобно. Выкупить землю и стать хозяином не каждый может и хочет, надеясь на помощь общества при неуплате недоимок, которые на весь мир раскладываются. Отсюда споры и раздоры в обществе. Власти уже десяток лет переселением на новые свободные земли занимается. Земли в России много и народу на них не везде густо. Сибирь большая и там, даже, арбузы растят, ещё далее до океана на восток один зверь бродит, а там всё есть: и вода, и лес и землица не меряна. Инородцы к ней руки не прикладывают и ждёт она – милостивица,

настоящих хозяев. Бери – сколько сможешь обработать,

только не надорвись от жадности, а власть поможет и ссуду даст и перевезёт со всем скарбом. Знаю что скажите; и там, на первых порах будет несладко.

– Какая сладость, – раздался голос приземистого, ещё

крепкого, старика, – Обещают много, а как до дела доходит

денежки чиновники разбазарят; до властей тысяча вёрст, а ты в лесу спину гнёшь один-одинёшенек – скорей не землицу поднимешь, а могилу себе выроешь. Вот многие и ворочаются назад и просят общество вновь принять и хоть малый кусок землицы выделить.

– Никак это, ты дед Евсей, народ смущаешь.

– Не смущаю я его, а глаза раскрыть хочу. Слову то, веры мало нынче стало. А, ты, никак думал, что уже богу душу

отдал я. Нет, жив ещё, пока, курилка. Деда Евсея все знали как трудолюбивого, честного мужика и уважали его

мнение. Книги умные и газетки редкие любил читать.

– Знаю о ваших бедах и сомнениях, и не решился бы вам предлагать ехать к чёрту на куличи, если бы не новые расклады, – продолжил Тимофей Силыч. – Промашки и у власти бывают и их исправлять надобно. И государь-батюшка и министр главный предлагают из нашей губернии переселенцам, а так же и иным, пожелавшим покинуть общину, землицу не за Уралом-горою, а у башкирцев, что между Волгой и Уралом издавна живут, а к хлебопашеству недавно переходить стали и земли там вдоволь – сколько помещик не осваивал – ей конца и края не видать. Да и не на пустое место едите. Переселенцы там из Прибалтики и Малороссии уже освоились. Земля там у многих помещиков выкуплена и, всем пожелавшим, казна её представит почти задарма по нормам вас устраивающих. Мужики слушали, открыв рты; старики навострили уши и глаза в сторону Тимофея Силыча, который отметил это, приободрился ещё больше и стал расписывать красоты будущего

крестьянского рая. И реки там рядом, и лесу навалом, и

лугов хватает, и башкирцы спокойные, и дождички вовремя идут. Силыч всё больше распалялся рисуя прелести

будущего тех – кто решится расстаться с обжитым местом, оставить родные погосты с предками.

– Ну, решайтесь мужики! По рукам! Документы

выправим, в дорогу снарядим.

Однако дед Евсей с сомнением покачал головой:

– Слыхивал я и не такие сказки. Надобно мужики

проверить – не брехня ли это. Кликните всех, кто еще по

домам сидит, да баб побольше – они дотошные, ничего не упустят, а нам надобно покурить, покумекать, а потом, сообща, всё решить, как быть. А ты, Тимофей Силыч, с господином офицером малость подождите, чайку попейте, на наших баб поглядите, пока общество подумает и определится. Правильно говорю, мужики?

– Правильно, правильно, дед!

Тимофей Силыч и жандармский офицер зашли в правление, где с секретарем стали разливать чай по стаканам, услужливо приготовленный секретарём, и дожидаться, беседуя о своих делах. Жандарм обратил свое внимание на двух розовощёких молодиц и поинтересовался – кто они такие и чем занимаются. Видно, донжуан, был ещё – тот.

Так же своим зорким, колючим взглядом отметил трёх

угрюмых мужиков среднего возраста, которые стояли

особняком и о чём-то переговаривались. У секретаря поинтересовался- как настроение в селе, не объявились ли смутьяны и что говорят о аграрных беспорядках. Между тем молодухи с мальчишками помчались по улицам трезвоня и перевирая то, что происходило на майдане. Через полчаса на площади уже не было места – где встать. Даже, обезноженная восьмидесятилетняя бабка Степанида, прикатила на тачке запряжённой двумя здоровенными внуками. Внуки докатили её до тарантаса, раздвигая широкими плечами толпу. Старушка всё прикладывала руку к уху и наклоняла голову, чтобы услышать о чём судачат мужики. Жёны прилепились к мужьям и, вместе со

взрослыми детьми, образовали семейные кружки.

Галдящих ребятишек старики повелели прогнать, чтобы те не мешали. Напившись чаю, отфыркиваясь и отирая пот, Тимофей Силыч, понял по шуму, что народ прибыл в избытке и ждут выхода. Глянув в окно, убедился, что давно не видел такой активности на сходе. Земля тянула по весне к себе всех, а земля, почти дармовая, как заявил сам

землеустроитель, сдвинула в толпу почти всё село. Шум стоял, как на цирковом представлении. Выйдя на крыльцо, жандармский чин поднял руку и зычно крикнул:

– Ну, что делать будем – кричать или дело решать?!

Бойкий мужичок, в треухе и залатанном полушубке, прокричал:

– Давай-ка, Силыч, обскажи всё сначала погромче, да растолкуй вновь явившимся, какой рай ты нам наобещал.

Силыч, уже по обкатанной до этого программе, изложил, расцвечивая новыми красками, все выгоды переселенцев. И земли будет больше, и обустроиться будет легче, и не в Сибирь ехать надо, и власти помогут и лесом и деньгами, и налоги, поначалу, брать не станут. В заключении бросил в толпу призыв:

– Подумайте, мужики, сколько выгод. Кто решиться —

бумаги быстро выправим и поможем, дело стоящее, а нам ещё по другим сёлам путь предстоит; смотрите, как бы не опоздали – скоро сев. Из собрания посыпались вопросы, тех кто недопонял и не расслышал, на что Силыч дал совет:

– Вы, как прежние переселенцы, можете ходоков туда послать. Железная дорога до самого места доставит, а там уже ваши земляки обустроились – вот и у них поспрошайте и оглядитесь, да и у властей на месте лучше заранее определиться. Ну а потом, всё и обскажите селянам. Так что, поторапливайтесь!

Жандармский офицер, исполнивший свою миссию, и Тимофей Силыч устроились в тарантас и по весенней

распутице полетели в другое село агитировать других переселенцами становиться.

Сход долго не расходился. Отдельными группами обсуждали предложение. Те – кто побагаче, обустроился на месте, в своих головах прокручивали сказанное и находили много выгод для себя, если недоимщики и беднота уедет. Тогда и землицы добавится при новом разделе и налог за недоимщиков не надо будет всем сельским обществом оплачивать, хотя, конечно, лишние рабочие руки в страду от должников и батраков не помешали бы. Они больше молчали, изредка поддерживая тех, кто предлагал обживать новые места,

– Дело говорите; тесно тут у нас, кто-то и в Сибири обустроился и не жалеет, а башкирцы поближе, всё-таки в Европе, да и русских с хохлами там полно и, вроде, не

жалуются, что, как ранее, башкирцы их теснят и с саблями на царя и помещиков идут и деревни поселенцев с церквями жгут. Пишут, что там давно всё замирилось.

После долгих обсуждений, где свои голоса и женщины втискивали, подначивая мужей учесть и их пожелания. Дед

Евсей, взойдя на крыльцо и, потеснив, долгое время

молчаливо стоявших, старосту с секретарем изрёк:

– Давайте спровадим к башкирцам двух человек, толковых ходоков, что бы всё толком разузнали и проверили то, что Силыч рассказал, да узнали у опытных переселенцев как дело с властями выгоднее провернуть и обустроиться побыстрее. Спешка, она, нужна только при ловле блох. Верь глазам своим и живи своим умом. Сколько раз уже мужика вокруг пальца обводили.

– Верно говоришь Евсей, раздалось из толпы, -Всем

миром скинемся на дорогу. До Урал за четыре дня по железке добраться можно.

– Кого пошлём? Может желающие есть?

Никто из желающих и рот не успел открыть, как большой знаток деревенской жизни – тётка Матрёна, любившая везде о себе заявить и свое слово вставить громко, боясь, что её, кто —то, может опередить и перекричать, почти завопила:

– Евсея и Шобету, кого же ещё! Наконец и секретарь подал свой голос, помятуя, что и власть должна как-то

поучаствовать в столь важном деле,

– Верно, говорит Матрёна. Кто лучше Евсея Кузьмиича, землю знает и любопытство имеет, да и с людьми он сходится быстро.

– Точно, – раздалось из толпы.

– Стар я уже кочевать, – отнекивался Евсей, радуясь в

душе, что люди ценят его на селе.

– Ничего, выдюжишь, а старуху твою от кавалеров

обороним; только Евсей башкиркой там не обзаведись, у них там позволено и двух жён заводить. Майдан грохнул раскатистым смехом, на что Евсей рукой расправил свои усы. Кандидатура Евсея больше не обсуждалась. Дело было решённое. С Шобетой затруднений тоже не оказалось. Шобета – мужик средних лет, крепкий и коренастый, с чёрной как смоль головой и бородой с ниточками седых волос, открытым внимательным взглядом карих глаз, был уважаем и не имел недоброжелателей. Рассудительный и умелый в делах, обременённый большим семейством,

Шобета никак не мог выбиться из нужды. Несчастья валились на него одно за другим: то корова падёт, то

проезжие цыгане лошадь уведут, то, именно на его наделе,

дождики не льются. И тайком курившие пацаны, обнаруженные родителями, с испугу бросив окурок, спалили сарай, да ещё и полдома обугленными бревнами и мигом сгоревшей соломенной крышей чёрными стропилами будет на улицу смотреть. Ему сама судьба должна была подсказать: " Беги отсюда хоть на край света, ищи своё место-земля широка». В деревне, большинство мужиков, при обращении к старшим и уважаемым обращались по отчеству, а в разговорах между собой являли и прозвища. Откуда явился Шобета сюда и, что это за имя, фамилия или прозвище никто не спрашивал- зато многие сразу оценили его усердие, готовность помочь всякому нуждающемуся, не бескорыстно совсем, а за такую плату, что считалась смехотворной, а одиноким старикам и совсем задарма. И дети его росли в отца – трудолюбивыми и безотказными. Услышав своё имя, Шобета не сазу сообразил, что его хотят отправить посыльным и отрезал:

– Нет, я негож для таких дел, да и хозяйство к севу ладить надо, детишек полон дом, да и мужиков толковых полно.

Вон, Дробок, стоит и лыбится, а чем он негож?

– Да, ты, не о хозяйстве своем печёшься, а о жёнке

сладкой больше болеешь. Чуешь, что уведут её без охраны, —

прокричал дед Евсей под хохот толпы. -Не бойся, я старикам накажу, чтоб её охранили, а миром и твоё

хозяйство и детишек не забудем. А может, тебе и

хозяйствовать на новом месте придётся. Знают все, что ты до землицы и работы жаден и не промахнёшься. Глаз у тебя зоркий, до всего своим умом доходишь, ноги крепкие, где уж мне там по полям и лесам бегать, чтоб всё узреть. Да и мне лучшего попутчика не надо. Ты у нас молчун, а я болтать – горазд. И вранья за тобой не замечено, а если Матрёну послать, то ни мне покою не будет, ни толку от её сказок, что насобирает по тамошним селянам.

– Раз подмогнёте и всем миром решите, – то я согласен.

– Так то оно лучше, с тобой, милок, мы быстро обернёмся и красавица твоя кавалером не успеет обзавестись.

На том и порешили. Солнце уже стояло высоко – пора было уже к обеду собираться. Расходились группами,

семействами, по улицам и переулкам; жались к плетням и заборам. Дорога стала раскисать и в лужах вода,

вперемежку со льдинками, отражало ярилов тёплый свет, будивший весну и гнавший с пригорков ручьи.

Возвращался домой с новыми мыслями, роящимися в голове и, упомянутый на майдане, Фёдор Драбков —

по – деревенски – «Драбок». За готовым обедом,

источающим ароматы из чугунков, стоящих в белёной печке на чугунной плите, Фёдор решил начать разговор с женой на давно мучавшую его тему, которую нынешний сход повернул в новое русло – как найти такое место – где он может приложить свои силы и четверых подрастающих детей в мир выпустить, чтобы и мать не страдала за их судьбу и себе душевный покой обрести. Меланья, хоть в

избе от её трудов было жарко, в лёгком платке

прикрывавшем лоб и густые волосы, хлопотала с ухватом вытаскивая чугунки. Из одного источался запах варёной картошки, а другой был с мясным борщом, дурманящим воздух и вызывающий слюну у севших за стол подростков- двух девиц и двух мальчишек. В этом году, слава богу, запасов до самого лета хватит и до нового урожая будет что пожевать.

А стряпухой, Меланья, была знатной. Соседи на всякие

праздники прибегали к ней заказывать пироги. Расставив на столе глубокие глиняные миски, которые лучше иной посуды хранили тепло и вкус, на широком, с любовью сделанном самим хозяином столе, разлила борщ. Фёдор аккуратно повесил свой полушубок на гвоздь для ковки лошадей, что был вбит при самом входе, рядом с вешалкой. Над входной дверью висела подкова – «для счастья и благополучия». Вешалка, из хорошо оструганной, дубовой,

отшлифованной до блеска доски, с аккуратными дубовыми штырьками-крючками, была прибита пониже гвоздя и была унизана верхней одеждой. Многое в этом небольшом и постаревшем от времени доме, доставшемся при разделе от отца Фёдора – Тимофея, а строенного ещё дедом Данилой, было сделано своими руками. Иное имущество и скот при разделе достались брату. Хлопоча, Меланья, искоса посматривала на мужа. Уже, при входе мужа в избу, она женским зорким взглядом приметила перемену в привычном выражении лица мужа. Озабоченное и задумчивое, ищущее ответ на какой то тяжёлый вопрос, оно встревожило Меланью. Если дела касались семьи, то она знала, что Фёдор обязательно посоветуется с ней, а деревенские сплетни её не волновали. Меланья, молча вышла во двор, и громко крикнула:

– Обед!

С сеновала с шумом посыпалась тройка погодков, уже начавших ходить в школу, и с визгом побежали в избу, отряхиваясь на ходу от прилипшей к одежде прелой соломы и сухого сена, видно набаловались вдоволь сорванцы. Из предбанника с топором в руке вышел старший – четырнадцатилетний высокий и крепкий, по сравнению с одногодками, подросток, со вспотевшими и всклоченными светлыми волосами. Это был старший приёмный сын Степан, появившийся после смерти его родителей от

убитых чумой родственников в страшном голодном 1891 году. Сестра Меланьи родила раньше и отдала

душу с мужем своим богу и Меланья вскармливала своего

первенца Василия и Степана вместе и росли они дружными,

не подозревая о таком своём родстве.

Степан что – то мастерил, пока отца не было дома;

положил топор на привычное место (не дай бог, если

отец не найдёт его в нужный момент там), широким шагом, стряхнув мелкие стружки и прилипшие к носкам опилки. У порога стряхнул с ног галоши и переступил порог, склонив голову, чтобы не задеть головой притолоку.

Младшие уже сидели за столом рядышком друг с другом; от дурманящего борща болтали ногами, втягивали носом запахи и вертели в руках деревянные ложки. Степан сполоснул и отер цветастым рушником руки и занял своё место напротив отца. Фёдор сидел один, ближе к образам, в красной косоворотке, причёсанный, озабоченный,

задумчивый, ушедший в себя, и не замечал ни хлопот жены, ни галдежа детей. Обратился он только на приход Степана острым взглядом и коротким замечанием:

– Ну, и вымахал ты у нас, сынок, скоро отца перерастёшь. Когда и Меланья присела рядом, завершив накрывать стол, и поближе к кухне, разлила по кружкам молока и разложила по мискам еду, а Фёдор толстыми ломтями нарезал ржаной хлеб – наступила тишина. Фёдор встал, обернулся к

образам. За ним вся семья обернулась к образам и

перекрестилась двумя перстами. В церковь он не ходил,

иконы были тёмным, старого писания и бережно хранимые. Порядки в семье были старинные —дониконовских

староверов-раскольников, перешедшие от деда. В селе

жили две семьи, придерживавшиеся старых церковных

обрядов – Фёдора и Дмитра Пешко. Сельчане к ним

относились спокойно и даже с некоторым почтением,

зная, что за ними, отродясь, ничего плохого не водилось и дети у них воспитанные и почтительные. Хоть в церковь не ходили и обращались к богу дома, но никому беспокойства не доставляли. А когда, кто-то попытался Фёдора

укорить, то получил ответ от Фёдора:

– Истинно верую во Христа, а поп ваш водку хлещет, и детей пьяный крестит, да ещё и попадью кулаком поучает… неужели бог этого не видит. Тем всех прихожан и успокоил. Радовался, что в сельской земской школе из местного попа учителя «Закона божьего» не вышло. За слабую грамотность и в эту глушь и попов трудно было сосватать. Предки его всякие трудности перенесли, волю явили, в скиты со староверами не сбежали, но веры своей в сердцах не порушили и в этом миру со всеми верами в ладу без злобы жили. Степан с младшими о боге что- то и на стороне слышали, но отец их образумил.

– Бог один – он в тех, кто верует и не грешит и потому Богу угоден. Молись и крестись как предки, себя не погань и Бог тебя к себе примет. Перечить родителям, ругаться и драться, на людей злиться и бранным словом поганить уста, курить и водку пить – значит дьявола в себя впустить и это- последнее дело. Делай добро людям, трудись без устали, воспитывай детей, живи с одной женой, не болтай попусту и всякий хороший человек тебя примет, а со злодеями и грешниками бог и без нас разберётся. Я же с вами

разберусь, коли что непотребное явите. На земле отец и мать – вам указ. Слушайте их, да живите своим умом. Слова эти подкрепились двумя запоминающимися примерами.

Василию крепко досталось от отца за столом при всех деревянной ложкой по лбу, когда он поперёд отца и матери

сунул ложку в миску за понравившимся куском мяса. Степану же не повезло. Когда при стирке штанов мать обнаружила в кармане высушенный табак, издающий дурной запах, и уведомила отца, Степан сознался, что лазил в чужой огород за незрелым табаком, чтобы с товарищами испробовать запретный плод. Нотаций не было. Фёдор один раз с оттяжкой, но беззлобно, на дворе, при Василии, один раз, вымоченным, гибким прутом хлестанул по голой

заднице, красного, как варёный рак, Степана и на всю жизнь оставил след в просветлённой голове, которая настроилась на то, что сначала надо думать о последствиях, а потом браться за дело и не товарищей надо слушать, а батюшку -ибо тебя он породил, кормит, поит и за твои дела перед обществом ответ держать должен. Девочек мать без всяких поучений крепко держала в приличествующих нормах и заставила выучить наизусть не только библейские заповеди, но и свои наставления.

Все, после обращения к богу, сели за стол. Меланья поставила на стол миску с мясом. Фёдор первый кусок положил в миску жене, второй – большой и смачный

определил Степану, промолвив:

– Ты, у нас главный помощник, расти большой! Меланья затем положила постный кусок младшенькой востроносенькой, востроглазенькой, веснущатой и бойкой Нюрочке. Василий с Василисой, поняв что процедура соблюдена, стали высматривать себе куски получше и сразу отправлять их в рот. Скоро будут праздники с большим постом – там ни мяса, ни молока не увидишь. Хлеб,

Фёдор, если был дома, всегда резал сам большими ломтями и предпочитал ржаной. Белая мука шла на выпечку

пирогов, ватрушек и другой сдобы.

Когда, молча, расправились с едой и Фёдор, а за ним и Степан с Василием смахнули крошки с отскобленного до блеска стола в левую ладонь и отправили напоследок в рот и дети поднялись, Фёдор жестом указал жене и Степану сесть.

Меланья весь обед посматривая на мужа чувствовала, что на сходе произошли события, взволновавшие Фёдора и касающиеся семьи, и с нетерпением ждала разговора. Степан, как и мать не бывший на сходе, из предбанника слышал разговоры доносившиеся улицы от расходящихся с майдана людей, не вникал в их смысл, занятый работой, не понял суть произошедшего. И сейчас он не понял, зачем отец пригласил его в первый раз на взрослый разговор. Фёдор, медленно, переводя свой взгляд с неприбранного стола на печку, а от неё – на стены и окна, остановившись подольше, на почерневшей от времени иконе с

подвешенной лампадкой и обрамленной, вышитым Меланьей ещё в девичестве рушником, наконец, взглянул в глаза жены – что источали вопрос.

– Что же случилось Фёдор?

Фёдор тихим ровным голосом начал:

– Мы с тобой, Меланьюшка, сколько уж годков живём, и детей нажили и спину погнули, но достатка не нажили, чтобы не думать только о хлебе насущном. Жизнь, она ведь, на радость дана, а радостей у нас мало. На сходе Тимофей Силыч с жандармом были и объявили, что желающие из наших мест в иные края могут переселиться, где и земли будет побольше, и выкуп за наш надел здесь платить не придётся. Дети подрастают – не успеешь оглянуться и Степан невесту в дом приведёт и его выделять надо будет. У Степана зардели щеки и он закашлялся.

– Он у нас теперь работник и ещё семье опора. Сход решил ходоков послать посмотреть места, а то Силыч так всё обрисовал, что хоть сейчас в рай собирайся. Вот я и подумал – нам здесь куковать или на стороне удачи

поискать? Наступила долгая пауза. У Меланьи холодок закрался в сердце. «Как же так? Здесь отцы, матери

и деды схоронены и хозяйство какое-никакое есть и народ привычный, но успокоила себя, «Муж все правильно

решил» и сказала:

– Куда ты, Фёдор, – туда и я.

Фёдор успокоил её тревоги: – Вот Евсей с Шобетой всё разведают и с Урала вернутся, всё разузнают и обскажут, тогда и решим. Все же не Сибирь, и недалече, а в случае чего и назад возвернуться можно. Опять общество надел вернёт, а за домом кого-нибудь приглядеть попросим.

Обращаясь к Степану, сказал:

– Ну, а ты, сынок, как думаешь? Уже разумен и, хотя знаю, что слова против не скажешь, всё ж стоит ли судьбу пытать? На тебя у нас с мамкой надежды большие.

– Я, батя, знаю одно – с тобой не пропадёшь, ты на мамку налегай, у неё здесь вся родня. Меланья аж привскочила:

– Вы, у меня – родня, о вас – забота! Да, и где родня нам сколь помогла. У неё своих забот полон рот. Вот прибудет

Евсей, тогда всё и порешим, а пока приглядывать надо, что можно распродать, а что сгодится.

Когда девчушки и братишка быстренько выскочили из-за стола, а мать стала управляться с посудой, Фёдор и вслед за ним Стёпка, поднялись из- за стола. Отец ещё раз взглянул на тёмную икону с ликом Спасителя и мысленно попросил его помочь его в предстоящих делах: « Дай, боже, нам день

хороший». Степан, стараясь во всём походить на отца, степенно вышел из-за стола. Он чувствовал уже свою значимость в делах домашних и сегодняшнее обращение к нему за столом за собственным словом в решении важного вопроса подвинула его незрелое сознание шевельнувшее в его душе новые, тревожные ожидания. « Что несёт ему

жизнь и к каким переменам он готов?» Впервые он

почувствовал, что до взрослой жизни осталась короткая

тропинка, выводящая на широкую дорогу по которой

придётся шагать самостоятельно и где же нельзя будет

опереться на мать с отцом.

Степан, вышел на крыльцо. Тёплое весеннее солнышко согревало светлое лицо с малозаметными пятнышками

веснушек. Голубовато- серые глаза устремили взгляд на

круглый диск солнца, которое слепило после тусклых и

коротких зимних дней. Прохладный лёгкий ветерок путался в его льняных, вьющихся нечёсаных волосах. Степан

надвинул казацкий картуз на голову, провёл рукой по выдающемуся вперёд, недетскому, волевому подбородку,

как взрослый мужик, ощупывающий появившуюся на лице щетину. Каждой весной, со звоном капели, отрывающейся от сверкающих как бриллианты сосулек, с робкими

журчащими голосами проталинок и ручьёв, Степан вдыхал,

широко раздутыми ноздрями, запахи потяжелевшего от влаги воздуха, поднимающегося маревом от оттаявшей

земли, которая раскрывала свои объятья солнцу. Хрустальный на солнце снег, лежащий крупными

кристаллами с вкраплениями золотистых жилочек от

разнесённой зимними ветрами соломы, играл всеми

красками радуги, когда солнце восходило в зенит на

голубеющем небе. Запахи прелой соломы и навоза были

первыми предвестниками дурманящих запахов буйного разнотравья расцветшей весны. Солнечное тепло проникало сквозь тёплую одежду и согревало плечи и спину. В такие дни Степану казалось, что в него вливаются неведомые силы, Питающие каждого землероба много веков

возделывающего землю-кормилицу и делают его-

подростка, былинным Микулой Селяниновичем, чей труд

кормит и является самым нужным и важным. Дети

крестьянские, с самых ранних пор, постигали древнюю,

мудрую науку, которая сытым горожанам казалась

нехитрой и оценивалась только тогда, когда периодически являлись голодные, неурожайные годы. Наука эта давала жизнь роду человеческому и требовала громадного

терпения и больших затрат физических сил. И только, когда земля платила за это своей щедростью, душа крестьянская пела и рождала песню.

Были эти песни и с радостью, были и со слезой. Протяжная

российская песня – широкая, как золотящаяся бескрайнее
пшеничное или ржаное поле, тёплая, как летний дождик
оплодотворяющий жаждущую в зной землю, льётся из
души и вольным жаворонком и порхает в синем небе,
поднимаясь до божественных высот. « Ой, ты степь
широкая, степь раздольная…»
Из детей крестьянских и матёрых мужиков и солдат являлся стойким и поэт душевный.

Каждая весна несла новые надежды на то, что и бог даст и будет в помощь и сил хватит взрастить на земле то, что даёт силу всему обществу. Мужик понимал свою нужность, но не мог понять, почему солью земли считали не
кормильца, а порой и нахлебника и белоручку. Это
противостояние в стране крестьянской рождало тот
крестьянский вопрос, который не раз бросал страну в
пучину крестьянских бутов и войн, в пучину революций.
Стёпке не лезли в голову мысли о судьбах мужицких.
Мал ещё! Он жил в привычном мире замкнутой и прилипшей к земле крестьянской общины, с её
размеренным, привычным, веками устоявшимся трудом, и не видел для себя иного пути, кроме как дорога его деда и отца и всех окружающих его и близких людей на этом близком и родном куске земли, где его трудом будет рождаться то золотое зёрнышко из которого и продолжится жизнь рода человеческого и кровь земли потечёт по венам и заставит биться сердце и будет радовать душу.

Вечером Меланья с Фёдором тихо шептались в кровати за занавеской и долго не засыпали. Мелкота похрапывала
на широком топчане за печкой, а Степану всю ночь
грезились новые земли, новая жизнь, извлекая из
недремлющего мозга всё, что он узнал в школе об таинственном Урале. О башкирах, о которых упомянул за столом отец, знал только одно- что они вместе с донскими казаками гнали Наполеона до Парижа. Вздремнулось, когда уже начал светать и первая мысль, когда проснулся, была: «Сдвинется или нет семья с обжитого места, где всё уже привычно и где успел обзавестись друзьями». Особенно сошёлся с ровесником Петром. В школе сидели за одной партой, вместе ловили рыбу, беззлобно шкодничали, бродили по лесам и полям в поисках извечно
поспевающего дикого съестного для своих семей. Жили по соседству и, если в чём то нужно было подсобить – отказу не было. Отцы, тоже приятельствовали и парней к работе приобщали. И подпасками вместе с большим стадом управлялись и на сенокосе от них уже большой прок был. Жизнь крестьянская с малых лет в свой оборот всех берёт и до конца жизни не отпускает. Отдыха тут мало – зато природа сторицей награждает прилежных и работящих. Степан уже с раннего детства, радостно встречал первых скворцов и заслушивался ночными трелями соловьёв, песнями дроздов и кукованием кукушки. По весне любовался снегом, искрящимся в лучах всё выше поднимающегося солнца, в голубом безоблачном небе и любил убирать, утоптанный скотиной и людьми,
перемешанный с соломой и навозом снег, не дожидаясь пока он растает. Любил Степан пускать ручьи, слушая как журчат они, направляясь под уклон в сторону огорода.

Подгонял весну, как мог: сушил двор, убирал всё нанесенное за зиму, чтобы быстрее пробивалась трава. Весна, в пору, когда в зелень одевались леса и луга,
от влажной земли в небо поднималось прозрачное марево испарений и воздух наполнялся пропавшими зимой запахами трав, запахами земли, – была самым любимым

временем года для Степана.

Что нужно человеку для счастья на этой земле? Погреться под тёплым, ласковым солнцем, заглянуть в синие глаза бездонного неба днём и манящую темноту чёрного ночного неба усыпанного мерцающими светлячками загадочных звёзд, раствориться в красотах природы, являющей всё новые чудеса и понять, что ты кому-то сильно нужен, что сам можешь помочь природе и украсить этот мир своим творением и трудом в поте лица. Такой труд -не гнёт спину, не горбит, а расправляет тело, наливает его жизненной силой и дает жизнь новым поколениям, приходящим в этот мир на время, чтобы успеть понять -как коротка и прекрасна жизнь, если человек в ладу с этим миром, если есть в тебе любовь и к людям, и к природе, и к братьям меньшим.

Степан продрал глаза после короткого беспокойного сна, глянул в окошко, наполовину задёрнутое белой занавеской.

Солнце уже поднялось высоко. В доме стояла тишина. Васятка с сестрёнками, сидя на чурбаках, грелись на

солнце, а хохотушка Нюрка звонко лила свои трели. Мать хлопотала в сарае, оставив на столе вчерашнюю картошку с кружкой молока и краюхой хлеба для Степана. Тревожить сына она не хотела – ночью слышала, как он ворочался на жёстком топчане и не мог долго заснуть.

Мать понимала, что, видимо, вчерашний разговор запал в душу и разбередил её. « Работник растёт – пусть сил на

страду набирает – скоро в поле». Наспех позавтракав, и,

прибрав стол за собой, Степан вышел во двор,

потягиваясь, ощущая натяжение мышц привычных к работе, и щурясь от яркого солнца. Нюрка, завидев старшего,

быстро сообщила все нынешние новости:

– Тятька к Шобете пошёл поговорить, а мамка только что со двора ушла к подруге, что была на сходе, за вчерашними новостями. Новости, видно, волновали многих, и разговоры шли по всему селу.

В доме Шобеты собралось несколько мужиков. Среди них, за столом сидел и Фёдор; Шобета стоял у печки,

прислонясь к её тёплой, белёной стене и внимательно слушал разговор, не встревая в него. За пустым, без сахара, чаем, заваренным душистой травой с иван-чаем, неспешно обсуждали – как снарядить ходоков в дорогу и что прознать про землю, и как там живётся прежним переселенцам;

присмотреться как устроились; одним словам- не верить и не одного поспрашивать, а сколько удастся. Чиновнику не верить, в первую очередь, – им отчитаться бы за свои дела бумагой, а нам там жить. Изба у хозяина была невелика и скамеек – маловато. Мужики всё подходили и пришлось перебраться во двор, тем более, что хозяйка увидела сколько грязи в избу нанесли и затягивающийся разговор кого-то заставлял затягиваться табаком из кисетов и начать скручивать из старой газеты, позаимствованной у секретаря в правлении, огромные самокрутки и заполнять их крупно резаным высушенным табаком домашнего приготовления – злющим и вышибающим из глаз слезу и при первых затяжках вызывающих покашливание. Тут уж хозяйка взбеленилась:

– Вы, мне тут, что за девичьи посиделки устроили, избу закоптить или спалить явились; и так от духу вашего зачахнуть можно. Вон, мой мужик, не дымит и ничего – не помер, – даже здоров сверх меры.

– Это что ж – он тебе ночами покою не даёт, а нам, в

виноватых ходить, – вякнул из угла местный бабник-

долговязый Яков.

– Ах ты, охальник, да я на тебя всех баб натравлю, чтоб тебя в могилу с твоим усердием загнали.

Изба затряслась от смеха от такой смелости хозяйской жены.

– Так что, гуляйте шибче, почтенные, во двор – пока я вас помелом не выгоню. Там и места побольше и воздух поздоровее, а мне тут- за вами прибираться.

Шобета, с молчаливым упрёком, и смешинкой в глазах посмотрел на грозную супругу и первым надел шапку.

– И, впрямь, там сподручнее будет. Берём скамейки! Там и на телеге место есть, да и завалинка подсохла, а кто – и стенку подопрёт. Спасибо, хозяйка, за чай. Все высыпали наружу, расположились поудобнее, подтащили ещё

нерасколотые чурбаки и, рассевшись, продолжили

заинтересованный разговор. Вопрос встал – как собрать в дорогу деда Евсея и Шобету? С миру по нитке – нищему рубаха! Осилили и этот вопрос, порешив собрать миром деньжат и харч, принарядить и деда Евсея у которого исправным был один костюм, приготовленный для отбытия в мир иной, чтобы не тревожить лишними хлопотами. Он себе уже и гроб – из хорошо отструганных досок, ладно пригнанный по размерам, хранил под крышей и скроил своими руками. Тут заметили и странную фигуру скорым шагом приближающуюся по улице ко двору.

– Ба, да это вот сам незваным к нам движется; по одной бороде только и узнать! Отворив калитку, и метя подолом

шинели, мышиного, серого, стального цвета, почти по земле, новёхонькой фуражке, лихо заломленной набок и ладно сидящей на голове, во двор важной походкой вошёл Евсей. Козырёк сверкал лаком, на красном околышке

хищно распустил лапы двуглавый орел из жёлтого металла. Из под шинели выглядывали начищенные до блеска яловые сапоги- явно большего размера, чем требовала нога.

– Это что за генерал к нам явился?, – пошутил Фёдор, -Откель такой нашёлся? Дед Евсей приблизился к телеге – мужики освободили ему место и подсадили под улыбки собравшихся. Дед задрал полы шинели, уложив их на коленях и показал, чудом явленные сапоги, в полном блеске.

– Откуда такое богатство? – опять спросил Фёдор. Евсей не спеша разгладил бороду и важно ответил:

– Я много генералов на своем веку видывал кои мне статью и в подметки не годились, а иные и осанистые и толковые были. Мундир этот, в вечеру, Тимошка Шалый задарма отдал, да еще и сказал, что один я и достоин его носить для представительства. Он, как и я, в гвардии служил. Мундир парадный – не изношенный, не стреляный и не

испачканный. Ему он теперь ненужный, хоть в приказчики в лавке выбился, а меня он ещё когда сорванцом был, уважал за то, что я его крапивой уму- разуму учил, да солдатские байки рассказывал. Шинель знатная! Бабы с утра уже обещали полы подшить. А, вот, сапоги не подошьешь – широка у Тимошки лапа, но в два шерстяных носка для представительства сойдут – если ещё вниз их гармошкой сделать. С мужиком я и в лаптях договорюсь.

– Тебе бы, дед, ещё к такой фуражке и медаль на шинель пристегнуть или две, – пробасил, не знавший военной

службы, местный шутник Титок, живший одиноким

бобылём, ходивший из любопытства на все сборы. В селе явился он недавно – без семьи и двора, и снимал угол у одинокой старухи и летом нанимавшийся, время от

времени, в батраки.

– Э, ты, милок, меня мало знаешь, – ответствовал на шутку Евсей. – Я в гвардии солдатскую лямку тянул и, хоть в боях не побывал, за безупречную службу, и призы на учениях

и две медали имею, и не пропил их, как ты свое хозяйство. Спасибо что подсказал, прицеплю при случае.

– Значит ты, дед, уже собрался. Не бойся – я твою старуху сберегу, – начал снова Титок, но его перебил Фёдор:

– Давайте -по делу. Евсею и Шобете в дорогу собраться-что воды напиться, а вот как дорогу осилить, бумаги

нужные выравить, о железной дороге разузнать.

Тут голос и сам Шобета подал:

– Лучше секретаря нашего Луки, это дело никто быстро

не обстстряпает. Он и за мир беспокоится и пройдоха, каких мало сыскать – все ходы и выходы к начальству знает,

да и по железке наездился, и до Москвы добирался, и в Киеве бывал. Нам, думаю, в помощи не откажет- только его

толкнуть надобно. Я сам до него схожу и потолкую. Он советы дельные может дать и бумаги выправить должен.

Вечером зайдите- ещё посидим, потолкуем, да цыгарки свои притушите и во дворе не бросайте, неровён час, опять дом запалите. А тебя, Евсей, я сам до дома провожу, чтобы ещё где генералом не явился народ напужав, и насмешек избежав. А Титка зараз попрошу за твоей старухой присматривать и подмогнуть, ежели – что.

В правлении, секретарь, мучившийся от скуки, свёрнутой газетой, прочитанной от первой и до последней строки, и державший в памяти все последние новости в России и мире, бил первых отогревшихся и оживших мух. Они вяло ползали по загаженному ими стеклу и падали под хлесткими ударами азартного охотника. Пока не было слушателей, которым бы он мог пересказать вычитанное и,

переиначенное на свой лад, – секретарь убивал время

нехитрым развлечением- нового чтива не было.

– Двадцать восьмая! – отсчитал убийца очередную муху, попавшую под раздачу. Завидев вошедших посетителей, озорно посмотрел на Евсея, оценивая его импозантный вид и не удержался от «комплиментов»:

– Я вас уже заждался. Поспешать надобно – весна не ждёт, когда мужик зачешется. Бумаги я вам, знамо, выправлю-

будьте спокойны. Своё же дело я сделал и сегодня же в земельную управу съезжу – печати ставить и документы

получать, чтобы вам дорога спокойно была открыта. А, вы,

то собрались, али передумали?

– Нет, ни в коем разе, – быстро откликнулся Евсей.

– Нам бы только уяснить, как до башкирцев легче добраться. Я, хоть многое видал и по железке езживал, но когда это было… лет тридцать не езживал из села. Кругом всё меняется быстро – не как встарь. Ты же, у нас знаток большой – вот и помоги разобраться, чтоб не обмишуриться.

Получив полагавшиеся в таких случаях комплименты в свой адрес, секретарь, нужный каждому селянину для своих мелких проблем, в отличии от главы поселения, который многими делами пренебрегал, сваливая их на секретаря. По этой причине Луку Карповича и как величать и с чем к нему подходить хорошо знали – чтоб дело не волочить. Помнили присказку Луки Карповича, что «задарма и лягушка не квакнет». Однако, за сельские дела общественные мзды принципиально не брал – за то его и уважали. Он и

крёстным отцом у многих был и, ни одна свадьба и похороны без его присутствия не проходили. Везде, на почётном мести – Лука Карпович! Для солидности, достал из ящика большого стола, заполненного бумагами и упрятанным заветным стаканчиком для солидной беседы

с просителями, круглые очки с одной дужкой и совсем не надобные его, как в молодости зорким, глазам, не испортившимися от частого чтения бумаг. Лука Карпович подцепил их к носу, заправив одну дужку за ухо, и, склонив голову вправо, глядел на присевших без лишних церемоний ходоков, которые давно знали привычки секретаря. С минуту тот молчал, ворочая мысли в голове, вспоминая то, что необходимо к делу и выстраивая очередность мыслей для авторитетного ответа.

– Наперво, я вам скажу- не отстаньте от поезда, держитесь за него, а в нём за кондуктора-он главный ваш проводник.

Угостите его и он вам всё укажет и проследит, чтоб до места доставить. Второе – стерегите вещи свои, а денежки и

бумаги на груди держите, а железные гроши в одежде под голову ложите. Ты, дедушка, грешным делом, от скуки, в карты не садись с незнакомцами играть. Знаю твою страстишку, попридержись – а то без шинели и порток

останешься. Денежки общественные счёт любят и раз вам народ доверил, то его уважьте. Харчишки берите, не

испортились чтобы в дороге и дух по вагону от них не шёл. Если кто в друзья начнёт набиваться – лишнего не болтайте. До Киева дорога от нас вам известная и короткая – что по Десне, что по тракту, что по железке. От Киева на Москву каждый день идут поезда, за два дня обернуться можно. Далее через Самару до Уфы ещё дня от силы три катить. Хорошо бы, если земли рядом с дорогой и городом были. Думаю, чем в нашей глухомани и болотине счастье искать – лучше и на другие места глянуть и если интерес появиться, то и двинуться. Хорошо, что быстро решились – ведь

вчерашние гости по другим весям потряслись. Поэтому, мой вам совет – поспешайте. Как соберётесь, я вас до Киева мигом доставлю и чем смогу – помогу. Ну, лады!

– Лады, лад, Лука Карпович, спасибо за услугу. Мы поторопимся, – подвел итог Евсей. Молчавший, во всё время толковой беседы, Шобета, твёрдо заявил:

– Через день, к утру жди нас в полном снаряжении. Евсей решит проблемы с шинелью и старухой.

Покинув правление, Шобета довёл Евсея до дома,

сообщил старухе, что при всякой нужде Титок ей поможет.

На том и попрощались. Вернувшись домой, Шобета

коротко сообщил жене:

– Завтра в дорогу собери, что следует на полмесяца. Я до мужиков дойду и сообщу когда мы отбываем.

Лука Тимофеевич, тем временем, выправил документы

на Починка Евсея Кузьмича и Шобету Семёна Семёновича 72-х и 40 лет села Летяки, Баразянского уезда

Черниговской губернии, свободного сельского сословия обыватели, направлены сельским миром в Уфимскую губению для устроения земельных переселенческих дел. Быстро обернулся в волость, заверить их. Посыльный предупредил конюх, чтобы он приготовил лошадей в бричку. Рысаков содержало общество. До железнодорожной станции Пирятин было вёрст сорок, а там можно было сесть на поезд Киев-Москва. В полдень Лука Тимофеевич посчитал, что все дела решил в правлении и пошёл по домам поговорить с мужиками, которые, по его

предположениям, могли согласиться на переселение. Прошедший сход перевернул жизнь на селе,

преобразившемся в разворошенный муравейник.

С утра, в день отъезда ходоков, на майдан перед

правлением стали обираться люди пожелавшие проводить ходоков. Староста и Лука Тимофеевич стояли на крыльце. Бричка была готова к дороге по распутице. Конюх помахивал

плетью, отгоняя мальчишек от лошадей, чувствуя свою особую значимость. Шобета с семейством был уже здесь. Увесистая котомка стояла на крыльце. В конце улицы замаячил Евсей Кузьмич, сопровождаемый не успевающей за ним, супругой. Подогнанная шинель, сидела на нём ладно – по фигуре. Бывший гвардеец, пятнадцать лет

тянувший солдатскую лямку был широк в плечах и длиннорук. Твёрдой, молодецкой походкой он приблизился к собравшемуся обществу приветствующему вразнобой Евсея, словно помолодевшего от своей значимости и оказанного обществом доверия. На ногах были

растоптанные валенки на резиновом ходу (в блестящих галошах), гармонирующих своим цветом с шинелью. Заботливая старуха, заботясь о здоровье прифрантившегося мужа, пригрозила ему, что не отпустит – если тот не будет держать ноги в тепле. На важный случай дед вырядился в тёмный пиджак, приготовленный к вечному успокоению на погосте, ни разу не одёванный и пропахший нафталином, чтобы моль ущерба шерсти не нанесла. Штаны, на этот случай, он не тронул, а одел парадно- выходные, на манер

казацких – шаровары с красными лампасами. Рубашка, когда-то давно, сшитая ещё лишь второй молодости супругой, слепила из под расстегнутой шинели, белизной. Через плечо шинели, с начищенными до блеска оловянными пуговицами, свисали блестящие сапоги с нестёртыми желтеющими подмётками и чёрными каблуками с блестящими подковками. Таким яловым сапогам и сносу нет – ими могли пользоваться несколько поколений в бережливой семье. Хлястики сапог были связаны шнуром переброшенным через шею и лёгшим на плечи. При ходьбе сапоги болтались как ещё одна пара рук, поскольку, завидев столько провожающих, дед перешёл на легкий галоп и старуха, совсем отстав, лишь махнула рукой и, тяжело дыша, присоединилась к обществу, став рядом с мужем, явившимся центром внимания. За старухой пришёл

соседский подросток и за плечами нёс объёмистую торбу, которая тянула плечи, горбила спину и была заполнена тем, что Евсей посчитал необходимым взять в дальнюю дорогу из того, что приготовила жена и снарядили добросердечные и не жадные соседи. Запыхавшийся и улыбающийся Евсей, остановился у брички, поклонился на три стороны – сначала крыльцу, а потом правому и левому краю. Титок опять не удержался:

– Какой это генерал явился – от кавалерии или инфантерии? Что припозднился, Евсей Кузьмич, али с супружницей не намиловался, совсем старую замучил? Мне теперь поручено за ней ухаживать, так что езжай с богом и назад не спеши. Евсей нашёлся чем ответить:

– Смотри получше, а я себе башкирочку отхвачу. Тут его голова дернулась вниз, фуражка слетела в лужицу, сапоги на груди качнулись. Подоспевшая к этому времени супруга, отвесила шутнику увесистый подзатыльник, что все собравшиеся, включая и Шобету, разразились громким

смехом. Титок заливался, держась за живот. Остановившись после всех, только и прибавил:

– Да, крепка у тебя супружница и рука тяжёлая, видать не раз гвардейца гоняла по огороду. Даже и не знаю, как мне в твоём отсутствии с ней справляться.

Майдан залился ещё раз смехом. Лука Тимофеевич поднял руку вверх, призвал к тишине и с крыльца, глядя на Евсея, произнёс:

– Наконец, все на месте, транспорт налажен, ходоки

здоровы. Вот тебе, Семён Семёнович (многие в селе и не знали, как величают всем известного в селе Шобету), деньги обществом собранные. Отчёту с них не требуется, коли дело ладно сделаете. Все тебе доверяют, что в общее дело пойдут. Наказ вам – смотреть получше, спрашивать у народа побольше, да правду нам привезти. Бумаги у вас справные. Обращаясь к народу, добавил:

– Евсей Кузьмич грамоту хорошо знает, много где бывал и умных книг по хозяйству начитался, совет любому дать может, к тому ж, к начальству подход имеет. Семён мужик практичный, дотошный – всё узрит и в памяти сохранит,

так, что ждём посланцев с надеждой на лучшее. Удачи вам! Присядем на дорожку.

Ходоки присели. Поднявшись устроились с вещами в бричке. Старуха Евсеева и Шобетова жена минутку постояли молча рядом с мужьями.

– Ну, с богом, в дорогу, – наконец явил свой голос и староста и махнул рукой. Кучер едва успел поднять плеть, как застоявшиеся рысаки с места дали ходу согласно их назначению. Кто-то, в спину, перекрестил усевшихся в

сани отъезжающих за возможным счастьем и перекрестился сам.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Распутица ещё не испортила дорогу. Сани легко скользили по подмёрзшей дороге.

Рысаки за три часа, проскочив Пирятин, донесли до станции. До подхода поезда Киев-Москва оставался еще час, как определил по своим массивным серебряным часам, с важным видом вытащенным Евсеем из внутреннего кармана пиджака. Иных пассажиров на станции не было. Объявление на маленьком в вокзальчике извещало, что при отсутствии билета, при наличии мест, билет приобретается у кондуктора. Состав пришёл вовремя. Паровоз нещадно дымил донецким углём и перед остановкой издал истошный сигнал режущий уши, предупреждая о своём приближении. Когда состав остановился, в одном из вагонов распахнулась дверь и слезло двое мужиков. Сгрузили плотницкий инструмент (видно на заработки собрались), а кондуктор, в чёрном мундире с жёлтыми пуговицами и в чёрной фуражке с кокардой, громко крикнул, глядя на Евсея с Шобетой:

– Вам на Москву?

– На Москву, на Москву! -прокричал Евсей и поспешил к

вагону с сапогами в руках. Шобета подхватил его тяжёлый мешок и последовал за ним к открытой двери. Подсадил

деда и передал ему мешок и котомку и залез сам в тамбур. Вслед за кондуктором, вошли в тёплый, заполненный

вагон. Вагон был общий, для неприхотливой публики с местами для сиденья и сна. Кондуктор указал на места на нижней и верхней полке, ранее, видимо, обжитые

сошедшими на станции плотниками, оставившими запах

сырого рублёного леса.

Расположив свои пожитки, Шобета – в головах на

верхней полке, а Евсей на нижней – под лавкой – лежанкой, вспомнив, что за имуществом нужен глаз да глаз.

Поприветствовали поклоном головы, сидевших чинно, напротив, пожилую пару – по одёжке – мастерового

человека с женой. Евсей пристроился у окна и направил свой взгляд за окно, где мелькали привычные перелески и, пока ещё прикрытые снегом, поля, местами поросшие мелким кустарником, по весне впитывающие влагу, и летом, местами заболоченные в перелесках, где и пахать и скот пасти непригодно; разве что – местами косой помахать на подсохших местах, да и то, болотом пахнущая трава, не всякой скотине по нраву.

Трудно в этом Полесье развернуться мужику; и помещик был неохоч до этих земель.

Вскоре, как и обещал, появился кондуктор, присел

рядышком и начал расспрос (кондуктора обязывались сотрудничать с полицией). Большинство кондукторов исполняло охотно эти дополнительные обязанности – так как полагались награды за бдительность. Шобета полез за пазуху, в большой карман пиджака, застегнутого на пуговицу, где, прижавшись к сердцу грелись общественные денежки и документы, а дед Евсей с охотой изъявил

желание поговорить.

– В Москву мы, милок, а оттуда- до самого Урала путь

лежит.

– Чего ж это, вы, там потеряли?

– Ходоки мы до землицы. Нас общество послало проведать насчёт переселения, чтоб не сумлеваться насчёт переезда. И документы у нас есть и место указано. Я, вот что спросить хочу, – Верно, что поезда до Уфы ходят – земли наши там значатся.

Сказал это Евсей, как будто общество уже земли получило и, поняв свою оплошность добавил: -У нас многие туда

собираются.

Кондуктор утвердил деда в правильности того, что Лука Карпович говорил перед отъездом.

– Доедите до самой Уфы, а захотите и грошей хватит и до самого Китая, хоть до Владивостока. Там тоже переселенцы

живут, а вам, я вижу, землю поближе дали – за Урал и ехать не надо, подвезло вам, дедушка! В Москве пересядку сделаете на сибирский поезд, что каждый день ходит и дня через три, если не ранее, на месте будите. В Москве то бывали?

Шобета молча отсчитывал деньги за билеты, а Евсей

возбудился к разговору ещё больше.

– Я пятнадцать лет в Преображенском полку службу нёс, а он – во всех главных церемониях участник. Я Санкт-

Петербург, как пять пальцев знаю и в Москве не раз бывал и в Царстве Польском у Наполеона отбитом, в Варшаве в парадах участие имел, с царём-Освободителем в Берлин к

родственникам императора ездили.

– То-то, я смотрю, – усмехнулся кондуктор, – на тебе

шинель генеральская. Давно ли, дедушка, в отставку вышел; генералы на пенсион и в семьдесят выходят.

– Да уж сорок лет как отставной и пенсион мне небольшой полагается за службу царю, а шинель мне по случаю, в бла-

годарность за службу обществу, дарована.

– Ничего, дед, у тебя ещё выправка и борода совсем

генеральские: удачи вам в деле, а в Москве я подмогну на нужный поезд определиться, подскажу – если что надобно. Если нужна – постель для сна или чаю, то обращайтесь. Дед, помня об экономии, протарахтел:

– Спасибочко, у нас, пока, и продукты есть, а солдату что надо- шинель и его дом и его постель.

Когда кондуктор ушёл, Шобета спросил у Евсея:

– А, ты, дед, случаем не приврал, что все столицы в солдатчине изъездил?

– А, ты, никак, сомневаешься? Слыхивал ли ты от кого, чтобы я кривду нёс? Вот, – и сам головой качаешь. Меня неспроста народ в ходоки вывел. Все знают, что окромя правды от меня ничего нет. За то, кому- то, я не очень люб, что правда – глаза колет. Меня дед сразу мальцом от кривды отучил – так иссёк задницу, что неделю сесть не мог, за то, что соврал, что не крал яблок в господском саду.

– Извини, Евсей Кузьмич, только чудно мне, что я до сих пор этого не знал.

– А чего здесь странного, чего в столицах то хорошего -народ толчётся и жизнь как в Писании сказано – всё суета сует. Простору нет и зелень чахлая, и воздух не тот, и петух не будит по утрам, и птицы не поют. Нечего мужику там счастье искать. У нас на одного городского восемь селян и спокойствия на селе больше. С полгода жизнь на селе

неспешная, а в страду каждый час дорог для дел. Работа мужицкая торопливости не терпит, а поспешать надобно-

потому и спина болит и страдать приходится. Земля терпеливых привечает, а кто наспех дело ладит – лишь народ смешит. А, что я, про жизнь свою не шибко сельчанам распространяюсь – так мой отец от хвастовства отучил не прутом, а крепким словом мозги мои поправил. Тебе Шобета я всю жизнь свою могу обрисовать. Знаю, что языком зазря не треплешь, а на ус мотаешь. Дорога у нас длинная. Вот сейчас сальца с хлебушком откушаем и молочком запьём, да поглядим чем нас ещё жёнушки с обществом снабдили – больно уж поклажа тяжела.

Снабдили знатно! Расщедрились прижимистые жёны и

селяне: сало солёное и копчёное, аккуратно завернутое в чистую тряпицу, две куры отварных с картофелем, лук, соль в металлической баночке, пироги и сыр домашний, пять больших краюх ржаного свежеиспечённого хлеба, что не черствеет, и ещё много чего по мелочам оказалось в мешках. Кто-то, даже, несколько серых больших кусков сахара упаковал; если в прикуску чай пить-то на всю дорогу хватит, а чай кондуктор уже обещал.

– Ба, да тут у нас целый провиант – склад! удовлетворился ревизией Евсей. Забыв о наказе экономить, он предложил,

паре напротив, присоединиться к предстоящей трапезе за откидным столиком у окошка. Мастеровой, под строгим взглядом супруги (нечего мужиков объедать – сам в деревне вырос и знаешь, как это всё достаётся) отказался. Евсей предложил разделаться с одной курой и подсолить другую. Шобета нацедил в оловянные кружки молока и крепко запечатал её пробкой и поставил на пол, где было прохладно. Закончив с трапезой, оба смахнули крошки на ладонь и отправили в рот, потерли одну ладонь о другую и стали рассматривать в окно малопривлекательный пейзаж: перелески из мелколесья, укрытые осевшим снегом пустоши, редко проплывающие вдалеке деревеньки с избами, всё больше крытыми соломой, кое- где лепившиеся к барским усадьбам на которые уже трудно заманить освобождённого от барской неволи мужика. Выдержав продолжительную паузу, и, отметив, что Шобета ждёт обещанного рассказа, степенно начал:

– Вот, ты, Семён, и то усомнился, что я по миру

пространствовал и в столицах побывал и в

Гель… синг… – форсе, что и выговорить труд великий и, который с финнами к нам перешёл, и ближе всего к нашей столице, три раза побывал и до многих столиц добирался,

а всё от того, что по молодости я и здоровьем и статью вышел, да ещё и пригож: и волос чёрен и глаз тёмен- хоть

картинку с меня пиши. А был я тогда в крепостных у капитана отставного Залесского, что ещё с Кутузовым Наполеона воевал. Парень был крепкий, сноровистый – ни барина не боялся, ни челяди его. В глаза прямо смотрел, слово своё имел, только отца с матерью слушался и почитал; своевольничал и в барский лес без боязни ходил, и на барщину не всякий раз являлся. Барин и пороть меня боялся и в лес, где я с топором ходил, даже с челядью, побаивался ходить. Однако и на меня управу нашёл. Когда на девку его дворовую загляделся – он строго-настрого запретил ей со мной женихаться и грозил разорить семью и не дать разрешения на женитьбу. Тут, аккурат, разнорядка барину пришла одного рекрута в армию определить, так он, чувствуя мою злобу, меня и определил на пятнадцать лет на исправление – рекрутом в армию отправить. Хочешь, не хочешь, а против царской службы сладить трудно – разве что от отца и матери уйти и, зазнобу бросив, в Сибирь к кержакам податься за свободой. Так вот, забрили меня в рекруты и определили солдатом в самый знатный полк. В него крепких, чернявых да кареглазых молодцев, как сам учредитель первого в Русской армии солдатского полка-император Петр Алексеевич, по всей России-матушке искали. Император и сам в нём службу нёс, начав с отставной козы барабанщиком, с мальцами из окрестных сёл, где будущий государь от сестрицы старшей своей, самовольно власть прибравшей, ссылку имел и в военные игры играл под надзором. И занесло меня в самую столицу на службу в славный полк. Ранее в него детей дворянских брали на муштру и выучку и в офицеры потом определяли, а уже позднее и в мои годы государь Николай Павлович, после беспорядков, дворянами учинёнными против него, простолюдинов стал набирать. Меньше к бою учили – более к шагистике на парадах перед Зимним дворцом и Сенатом, да охраны царствующих особ.

Пока я эту науку освоил – семь потов сошло. Бывало и по спине доставалось. Крепко Николай Павлович порядок во

всем любил: от пуговицы на мундире и бумаг вканцелярии, до слова в докладе и настроении умов. Хотел, чтоб порядок был и в семье, и в полку, и в России, и в Европе. Не осилил он этого дела и помер от расстройства за неудачу в войне Крымской. Недолго я ему послужил. Кормил сытно и гонял знатно. А вот при сыне его – Александре Николаевиче, меня в личную охрану царствующей особы определили. Я и смолоду крепким был, а к тому времени и мясом оброс на царских харчах, и усы знатные отпустил, и смышлёным оказался. Начальство меня в личную охрану государя за мою расторопность и заслуги определило. От того и во всех заграничных путешествиях и приёмах, царя-батюшки, должен был русскую армию, с такими же удальцами как я, в лучшем виде представлять: так что знай Семён с кем в дальний путь отправился.

Тут Семён прервал воспоминания Евсея своим вопросом- как там за границами живут? Дед от неожиданного вопроса и живого интереса призадумался, потёр мозолистой, совсем не стариковской жёсткой, крепкой рукой лоб и продолжил свой рассказ:

– Я по заграницам всё больше по столицам являлся и, как там мужик живёт- мало что сказать могу. Наверно, ему и там несладко -землицы там поменее, размахнуться негде -потому всё возделано, но такой земли чёрной и жирной, как у нас, не встречал. У нас она, весной и осенью, так к сапогам липнет, что ноги не поднять, а в Европе шагать легко, с сапог она осыпается. Народ там живёт погуще и поопрятней, и всё в дом тащит, бережёт и накопляет, а так – мало чём от нашего отличается. А что, касательно, – где я маршировал – так Санкт-Петербурх никому не уступит и от европейских столиц отличается мало чем. Пётр то, строил свою столицу на болотине по чертежам европейским и мастерами заморскими и свой народец не жалел. И наследники его дело продолжили и дворцов понастроили. Жалко в Риме не пришлось побывать! Там, говорят, чудес много разных – только тесновато. Дорог железных в Европе погуще, да и посуху дороги поровнее и леса почище. Там от их бедности из леса всё в дело идёт и дерева сухого и падшего не сыщешь. У нас – чего только нет; от этого

богатства и расточительство. Днём сегодняшним живём – от того и веселее деньгу тратим и расчёту мало имеем. Ежели у нас начнём по их манере жить, так обогатиться можно, да нет простору для мужика и мастерового как труд свой приложить, чтоб семья нужды не знала. Всё богатство наверх идёт, а там захребетников многовато развелось. Взаправду, – один с сошкой пашет земельку, а семеро – с

ложкой от его трудов прокормление имеют.

Дед Евсей остановил свой обзор экономических дел и, почесав затылок, вдруг, неожиданно свернул в политику.

– Ты, объясни мне, Семён, – отчего власти у нас такие бестолковые и тугодумы – ведь мужик и Волгу, и Дон, и

Малороссию, и Сибирь засеял и труд свой приложил,

хребет гнул, страну обустраивал и жизни посвободнее

хотел, а его всё гнули и гнули сверх меры. Да и царь-освободитель не шибко для мужика расщедрился. Неужели непонятно, что чем дармоедов кормить и плодить – не лучше ли дельному человеку помочь. Зачем церквам земли иметь и из них барыш извлекать – ведь поп богу служит, а не тельцу; зачем бестолковый помещик на земле сидит или землю спекулянту спускает, который свою выгоду никак не упустит. Землю – дар божий, всем в награду данный, – кто неравно поделил? А сколько царь-батюшка земли имеет и как её пользует? Шобета, внимательно слушая излияния старика, морщил лоб, ворочал в голове свои, рождённые своей нелёгкой жизнью мужицкой, мысли и возможно

впервые, серьезно задумался над своей нескладно

задавшейся жизнью.

«Кто виноват? Сам ли промашки делал? Да, вроде, – не неумеха. Бог ли, не давший удачи, отворотился? А, может быть, власти о которых завел разговор многоопытный Евсей». Семён

решил на время для раздумий прервать длинный разговор и предложил перекусить. Дед Евсей мигом согласился – под ложечкой сосало после долгого рассказа, да уже и горло следовало смочить. Семён достал из-под лавки мешок, пустивший по вагону дурманящий запах домашней колбасы томлёной в печи и приправленной чесноком, копчёного сала и ржаного хлеба. Ножом распластал и положил на чистый рушничок, застеленный газеткой. Дед быстро обернулся с чайником, наполненным горячим напитком, от кондуктора за столик. Поглядев на мастерового, который внимательно слушал беседу спутников, глядя для отвода глаз в окно, сказал, обращаясь к соседу:

– Ты, милок, не стесняйся, а садись – ка с супружницей

вместе закусить, небось – не обеднеем.

Мастеровой залез в свой объемистый чемодан, достал со дна его, заполненного одеждой, штоф светлой жидкости, поставил его на столик около окошка, мимо которого

мелькали березняки, ельники с осинниками, утопавшими в искрящихся на солнце белых сугробах. В оловянной миске уместилась колбаса с салом; на рушнике расположились

полдюжины яиц. Несколько луковиц с солонкой дополняли этот натюрморт. Две оловянные кружки и два стакана

объявились на столе. Мастеровой, мужикам разлил

спиртное – чистое как слеза – смирновского производства, с присказкой:

– Для знакомства и аппетита, – и потихоньку подтолкнул жену поближе к столику. Дед Евсей, проводя носом над своей кружкой и миской, замурлыкал от удовольствия как кот, пригладил ладонью усы с бородой, а затем, волосы на лысеющей голове. Говорливый и общительный Евсей взял на себя инициативу и, перекрестившись, представился

попутчикам:

– Меня родители нарекли Евсеем, Кузьмичём по

батюшке, а народ кличет – «солдат, дед Евсей», а вот наш молчун – односельчанин Семён Семёнович. Едем мы на

Урал, землицу тамошнюю посмотреть, поскольку власти наши соблазняют переселиться из нашего – тощего землёй края, на уральские просторы. Конечно, привычные места, где предки схоронены, покидать жалко, но каждая птичка ищет край, где ей жить краше, а человек, тем более, счастья и себе и детям желает. Тут и мастеровой представил себя Василием Андреевичем, а жену – Еленой Матвеевной. Едут же они, на Урал в Белорецк и значит вместе дорога дальняя. Дед потянул кружку к стакану мастерового, залпом выпил содержимое, крякнул, разгладил снова усы и бороду и занюхал смирновскую луковицей. Елена чуть пригубила и поперхнулась, но Евсей урезонил:

– Ты, уж допей, голубушка, до дна, больше неволить не будем, да закусывай покрепче. Я у кондуктора испросил разрешения посидеть без шуму. Елена, глянув искоса на мужа, и, получив сигнал не перечить просьбе старика, морщась, мелкими глотками допила содержимое, помахала рукой у рта и выдохнула с шумом воздух. На глазах выступили слёзы, лицо стало покрываться румянцем; рука расстегнула верхнюю пуговку цветастой кофточки с воротом, прикрывающим шею. Вскоре на лице её изобразилась улыбка и она стала внимательно слушать мужскую беседу, которые, пережевав сало с колбасой, ещё раз чокнувшись и опорожнив весь штоф, завели разговор. Шобета спросил у Василия Андреевича по какой

надобности спутники едут на Урал. Елена хотела уже раньше мужа открыть рот и поведать свои беды, но муж так зыркнул на неё глазами, что она, не успев произнести ни звука, успокоилась. Мастеровой, выдержав паузу, поведал, что за забастовку на киевском заводе «Арсенал», где он, в отличии от других мастеров, поддержал требования рабочих об увеличении зарплаты и снижении штрафов, а так же о помощи получившим увечья на работе, его уволили с волчьим билетом, подчистую. Занесли в списки тех, кому в городе работы не сыскать. Напи-

сал брату на Белорецкий завод, что металл льёт и проволоку катает на гвозди с давних времён и где мастером работал

родственник, что давно звал его к себе (заводу нужны были толковые мастера). Теперь деваться некуда, надобно жизнь менять, а умелые руки везде надобны – где хозяин не жаден и на барыш надеется; вот вместе с женой и решились. Дети выросли и при деле; две девицы замуж вышли и

разъехались, а рядом с братом свой век коротать – всё одно легче будет, да и денег там поболее платят, а Елена моя на все руки мастерица – так что не пропадём.

Евсей поинтересовался:

– А, чего же, вы Василий Андреевич, бузу учинили и работу бросили.

– Мужику бастовать незачем – он сам себе работу определяет и доход сам создаёт, да и мастеровой на заводе работой кормиться, а вот барыш хозяин делит. Чем работать за грош, штрафы платить да шапку перед хозяином гнуть – можно и пояс подтянуть. А, ежели всем заодно быть- то и хозяин без рабочего человека барыш иметь не будет. Так что за копейку бороться надо – сама она в карман не

прискачет.

– Ну и как, вышло что? – спросил Шобета.

– Прибавку, хоть и мелкую, получили и штрафы

поуменьшили, а зачинщиков всех, и меня с работы убрали. Мастера, хоть и никудышного, да сговорчивого, оставили. А вам, мужикам, чего ж на земле не живётся, ведь давно, наверное, хозяйствуете. Это у меня с Еленой ни кола ни двора нет – комната съёмная и весь скарб в один сундук уместится, а как от земли уйти? Брат пишет, что у их мастеровых и огород при своём доме есть и земли вокруг непаханой в достатке имеется. Там всё больше лес рубят -тем и живут.

Евсей взял беседу вновь в свои руки и, при молчаливом согласии Семёна, лишь покачивающего в подтверждении слов деда головой, повёл свой рассказ о своих проблемах на Черниговщине в родной сторонке

– Да, милок, на земле то мы давно, ещё с царя Петра многие предки сельчан в эту глушь бежали, а до того, с времён древних, на заимках, на землях, где получше, народ прижился и плодился. И нашим предкам – от помещиков беглых и от всех властей укрывающихся староверам -раскольникам и ворам – разбойникам землица поплоше досталась и никто её, окромя бога, не наделял- сами у земли-кормилицы починки устраивали, лес рубили,

болотины сушили и себя кормили. А уж как отстроились, обжились, земельку к рукам прибрали, тут и чиновники и помещики объявились, на крестьянский мир накинулись, землю крестьянскую рвать начали и податями придушили.

– Так, ведь, царь-освободитель землю вам дал полста лет назад, – перебил рассказ деда Василий.

– Как дал, так и взял, – ответствовал Евсей. Нормы

установили в пользу казны, излишки отрезали и на продажу пустили, помещикам земли получше определили, а мужика на болотинах оставили, да ещё и выкуп непомерный за то определили и для облегчения на полсотни лет растянули банкам в угоду. До сих пор в банки денежки несём за свои муки и труды, а власти о справедливости трубят. Вот и суди, милок, как мужику живётся. Не всякий, конечно,

мучается – есть и крепкие мужики, но их значительно

менее, чем иных, что с нуждой знакомы. Вот и ищем мы счастье на стороне, а не на родной земле. Я тебя, Семён, спрашивал – отчего это власти наши разума не имеют.

Неужели непонятно, что чем богаче мужик – тем крепче страна. Я так думаю, что разумный хозяин свою скотину хорошо кормит, чтоб и мясо и приплод был, и молоко рекой текло. А чего ж власти всё жали мужика? Может сейчас в разум входить стали и нам, наконец, истинно помочь хотят. Уж сколько раз мужики и казаки за вилы и сабли брались, сколько крови лилось.

Песни про Кармалюка -заступника от помещиков до сей поры поют и Стеньку с Пугачём добрым словом поминают, а не проклятия шлют. Скажи мне

старому, Семён, отчего власти одну сторону держат- как бы тех, кто при деньгах и власти, послаще покормить и поспокойнее прожить.

– Что тут можно сказать – прав ты, дед. Всякая власть себя любит, а мужика при власти не предвидится- его дальше деревни редко пускают. Ройся в своем навозе и дальше околицы нос не суй. В земских управах чиновник вместе с помещиком над мужиком верховодит. Неужели среди мужиков толковых нет! Ломоносов, чай, поначалу из

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.